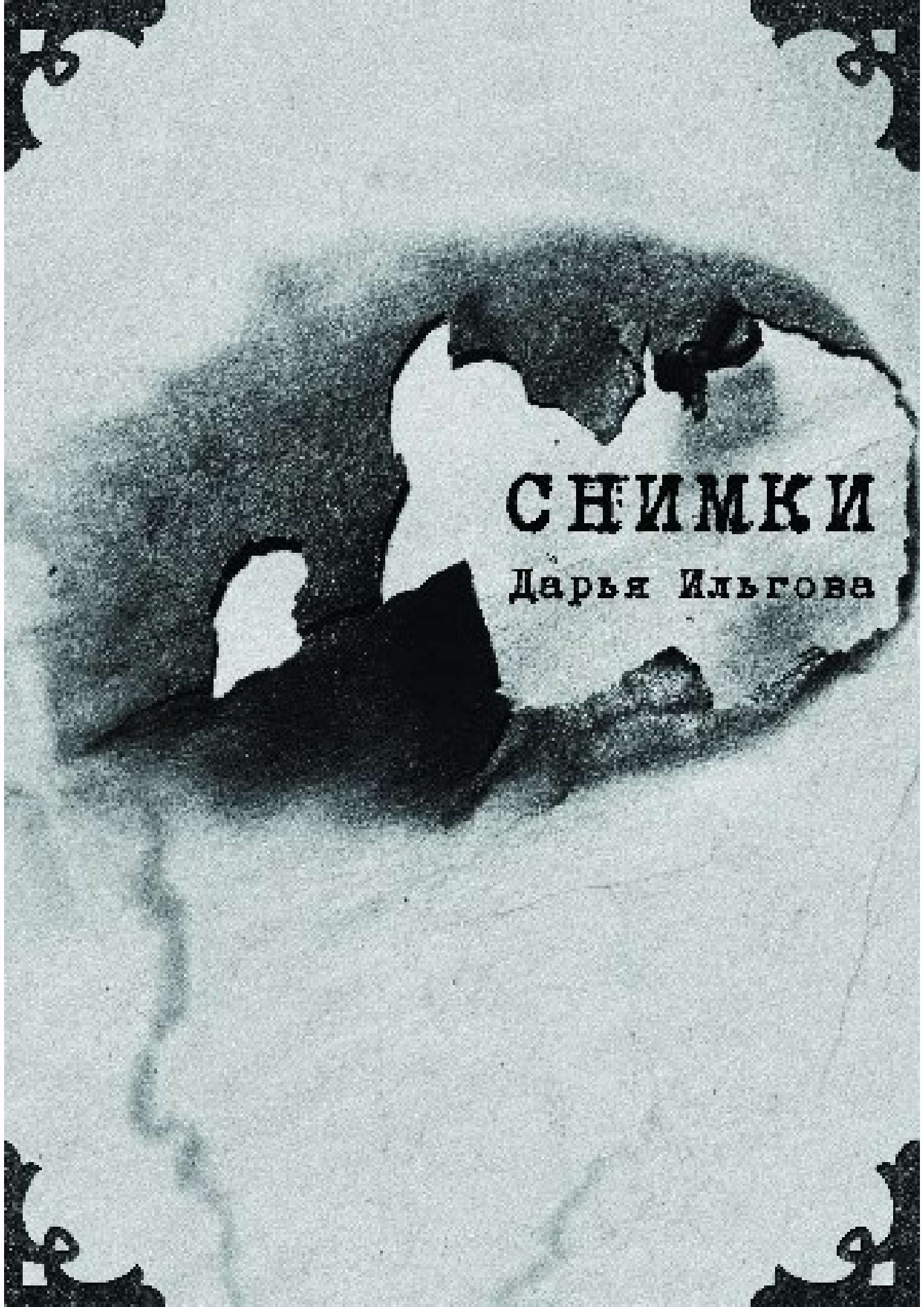

СНИМКИ
Дарья Ильгова

СНИМКИ

Дарья Ильгова

Москва
«Вест-Консалтинг»
2013

Ильгова, Д.
Снимки / Д. Ильгова. - Москва:
«Вест-Консалтинг», 2013. - 114 с.

ISBN 978-5-91865-195-7

© Ильгова Д., 2013
© ООО «Принт-Сервис», верстка, 2012
© «Вест-Консалтинг», 2013

ISBN 978-5-91865-195-7

Вот ведь странно, трава золотая
Сквозь отчаянье там прорастает,
Где, казалось, такая грязь.
На былое не злюсь,
Ничего не боюсь.
И со всем расстаюсь
Смеясь.

О ЛЮБВИ ТОЛЬКО: ВСЁ — ИЛИ НИЧЕГО!

Вынесенное в название книги стихотворений Дарьи Ильговой обычное слово «снимки» неожиданным образом приобрело почти философский смысл. То, что ещё совсем недавно, каких-то двадцать-тридцать лет назад, было искусством отдельных мастеров или делом профессионалов фотографов, — чуть ли не в один миг превратилось в повальную массовую фотозабаву, где каждый сам себе и Картье-Брессон и Александр Родченко... А с появлением цифровой техники — и вовсе утратило непостижимую сакральность с магическим действом «посвящённых», которые когда-то в тёмных занавешенных комнатах при свете красных фонарей извлекали из небытия канувшие в прошлое мгновения нашей жизни, что сопоставимо было разве что с дерзновением алхимиков — искателей «философского камня»...

Мало кто помнит теперь, что в семидесятые годы прошлого века у чешского прозаика и поэта Людвика Ашкенази (1921–1986) выходила дивная книга «Чёрная шкатулка», которая тоже могла бы называться «Снимки». В программном стихотворении Ашкенази так объяснял свой замысел:

...Однажды я встретил худенькую,
тёмноволосую девушку.
Я знаю её давно, она выглядит, точно
мудрая ирландская колли.
В руках она держала чёрную шкатулку,
перевязанную тесёмкой.

– Вместо сумочки я ношу с собой весь
свет, – сказала она.
И пояснила: – Это мой конёк. У каждого
из нас свой конёк...
Я пригласил её в кафе высоко над Прагой,
и там она раскрыла чёрную шкатулку.
В ней оказались фотографии. Ничего,
кроме фотографий...

Но если в «чёрной шкатулке» действительно был «весь свет», – объективный, материально реальный мир, представленный в стихах и снимках мастеров мировой фотографии, то «чёрная шкатулка» Дарьи Ильговой хранит «снимки» мира субъективного, внутреннего, таинственного, куда не может заглянуть никакой посторонний взгляд, и скорее напоминает «чёрный ящик», в котором бортовые самописцы мчащегося на роковой скорости маленького одинокого самолётика подробно фиксируют историю души и сердца во время этого полёта-импровизации... Что говорит об абсолютной актуальности выбора самого понятия «снимки», которому (как всякому другому потерянному для вечности слову) только поэт может вернуть сакральный смысл, очистив его от профанного опошления и обесценивания в системе маскультуры.

Истинный поэт всегда приносит в мир свой словарь, свой рифмовник, свои «столбцы», свои «снимки» («негативы» и «позитивы»), по сути, рентгеноснимки, на которых, как на «костях», на «рёбрах», как говорили в шестидесятые-семидесятые, записана тайная, сакральная музыка.

Здесь Ильгова беспощадно исповедальна и открыта. «Нестерпимо важно получить ответ, хороший или плохой, дарящий надежду или отбирающий её. Это желание делиться даже самым сокровенным, только бы перебороть тишину равнодушия», – декларирует она свою цель в поэзии.

К счастью, она молода, листок её «личного дела» для небесной канцелярии пока не слишком заполнен, но внутренний «чёрный ящик» с гомеровской эпичностью уже записывает в её досье историю маленьких и больших драм.

Можно цитировать практически каждое стихотворение Дарьи Ильговой. Попавшись на первых же тактах мелодики её стихов, ты уже не можешь освободиться пока не пройдёшь сквозь вихри и паузы её ритмов, интонаций, сквозь выверты и вывихи её синтаксиса. Отдающий эхом цветаевской стихии, речевой поток Ильговой может быть беднее в красках, в изобразительных, литературных, интеллектуальных ассоциациях и реминисценциях, но по звуку, орфоэпически, по очарованию захлёбывающегося наива современной юной дикарки — по-своему завораживающий... В её характере – упрямство и упорство летящей стрелы, кажется, до конца даже и не знающей пока своего истинного предназначения, насквозь пробивающей бумажные игрушечные мишени, чтобы однажды попасть в какую-то пока неведомую таинственную точку, цель...

Пока в её мире только Он и Она, да две-три подруги, да мама и ангел-хранитель... Не так уж и много. Но и не мало. Этого могло бы хватить на целый человеческий век,

не будь Ильгова поэтом. Но поэту принадлежит весь мир, даже история принадлежит ему, как заметил незабвенный Александр Сергеевич. А жизнь, внешний мир — ещё нарастут и деталями, и красками, и цитатами из вечных и не вечных книг, из современного мусора культуры, - но это уже будет другая ступень её поэзии, её пути... Пока что поэзию Дарьи Ильговой можно назвать — самоцитатой, автоцитатой, закавыченной в рамках одного стихотворения, одной книги...

У неё как бы нет лучших и худших стихотворений, чтобы их можно было как-то явно выделить, хотя найти таковые при желании нетрудно. Просто она пишет одно большое стихотворение, одну историю, в которой есть обаятельно эгоистичное Я, вокруг которого вращается весь остальной мир... В это Я — иногда впускают Его, подруг, самых близких людей, но они как-то там не приживаются...

Мои близкие люди любят меня сильней
За мои провалы. Когда уезжают, помнят,
Что я не боюсь глухих, онемевших комнат.
Просто некуда быть одней...

В подобных неологизмах («одней») язык Ильговой становится шифровальщиком её чувств, её темперамента, под напором которого усиливается нагрузка на синтаксис:

...Мои близкие люди — маленькие вожди
Моей «правильной» жизни. Я редко бываю рядом
И прошу каждого: «Прости, но сейчас так надо.
Жди меня. Жди меня. Жди.

Можно сказать, что книга Ильговой — это история о попытках трансплантации в Я некоторых элементов мира и чем это кончается. То её Я начинает оплакивать эти «не совпадающие», отторгнутые или отторгнувшиеся чужеродные элементы внешнего мира, то смеётся над ними, то тоскует о них, то гонится за ними... И в конце концов снова приходит к началу замкнутого круга — к собственному Я, которое ощущает своё экзистенциональное одиночество: «не бывает одней»! И тогда апофеозом несовпадений и отторжений становится крик этого Я:

Я закрыта в своей ракушке. Немой моллюск.
А вокруг меня жизнь – песни, мечты, салют.
Ну, услышьте меня, пожалуйста, я не глюк.
Я живу. Я дышу. Я чувствую. Я люблю.

Мне кажется, что именно эта почти хирургическая «операция», запечатлённая на десятках откровенных «снимков», – самое интересное, самое увлекательное, самое поэтическое в предлагаемой книге... На её снимках о любви только: или–или, только: всё — или ничего:

Мне не важно, серьёзен ты был, играл ли.
Сотый раз наступить на всё те же грабли
Я не в силах. Я больше тебя не граблю.
Не учу, не лечу, как встарь.
Я хочу покоя. Без нежных всплесков,
Раз в году приходящих мне эсэмэской,
Чтоб украденный мир на тончайшей леске
Не подвешивать больше. Оставь.

Вот яркий пример и летящего синтаксиса, и свежих рифм, и необычной строфики, и современного словаря, и внутренних рифм, и ритма, и цезуры, и анжамбемана, – такое свободное сочетание всех этих приёмов, которые, на самом деле, не только от блестящего ремесла идут, но и от самой структуры интонационного и речевого потока.

При кажущемся интонационном повторе — поэзия Ильговой ничуть не однообразна, ритмы стихов её меняются, строка имеет свойство то резко укорачиваться, ломаться, то стремится к долгому дыханию прозаической строки. А читатель вновь убеждается, что нет ничего новее в этом старом угасающем мире, чем внутренний космос человека и те самые «потёмки» чужой души, в которых, пользуясь определением гениального Паскаля, сосредоточены светящиеся вселенные, равновеликие макрокосмосу внешнему...

В лучших стихах Дарья Ильгова виртуозно владеет формой, и тогда уже сама форма превращается в действо, в зрелище:

Троекратно ура, в воздух летят монеты.
Лето. И площадь переполняют люди.
Где это было? Когда это было? Где ты?
Как это можно было забыть. Забудем.

Если я утром отправлюсь прямым маршрутом —
За пределами счастья. Пропахла октябрьской
пылью —
Ровно к обеду я буду у института.
Как это можно было забыть. Забыли...

...Мы атланты — на наших плечах и лежит небо.
Делаешь в сторону шаг — и трещит шарик.
Сдаться сейчас было бы так нелепо.
Я никогда не сдамся. Я обещаю.

А вот ещё моментальный снимок, миниатюра, которая требует особого мастерства. Тут есть и воздух, и глубина, и лёгкость, и — тайна, тайна, без которой нет поэзии, тайна, которую Василий Розанов, к примеру, в коротком пушкинском стихотворении «Анчар» ставил выше всей толстовской эпопеи «Война и мир»:

Город падал и плыл в наклоне.
Горы прятались к нам в ладони.
Говорили, что нас бездомней
И счастливей не видел свет.
Спали чутко, вставали рано.
Осыпались в саду каштаны.
Самый тёплый октябрь. Так странно.
Было всё.
Ничего нет.

Обаяния стихам Дарьи Ильговой добавляет владение иронией: «Жизнь — корзина: чем дольше живёшь, тем больше приходит спама», «Я всегда побеждаю. Ведь по колоде В каждом моём рукаве», «И я не знаю, откуда сила, Откуда хлещет такая прыть, Что я умом бы затормозила, А сердце не хочет затормозить» (с этим согласился бы и сам Паскаль, сказавший когда-то: «Ум всегда в дураках у сердца»!)...

Она блестяще умеет концентрировать мысль,

ставить финальную интонационную точку в стихотворении:

Лучшее время для нас. Когда?
Лучшая жизнь. Где?

Но во всём этом умении, изяществе не было бы ощущения полноты, цельности, подлинности, – без какого-то пусть незаметного, как биение пульса на сонной артерии, скромного, неброского штриха, как не бывает полноты пути человека без материнского благословения:

Моё детство запомнило маму и папу в двадцать,
Дым костра, лес сосновый и Дона тугой изгиб.
Ты останься со мной до последней строки абзаца.
Потом — беги.

Я дарю тебя тем, кому ты сейчас нужнее,
Тем, кому без тебя будет плохо. Моей сестре.
Жаль, мелеет Дон, лес сгорел, и лишь тихо тлеют
Дрова в костре.

В этих строках обещание взросления, преодоления эгоцентризма, переход к новым темам, выход из замкнутого круга милого Я – в Другие, в Другое, в открытый космос Родины, истории, судьбы народа... Выход на ту высоту, откуда становится видно не только как мелеют или углубляются свои или чужие чувства, слова, но и как мелеет река детства Дон, как бесследно исчезает русский лес, как догорает и дотлевает чистота и красота родного истока...

И тогда, пережив сиюминутные драмы, Ильгова генетической памятью ощутит свою сопричастность к тому, что её роднит с вечными ценностями, вспомнит, что сама она из тех воронежских мест, откуда ведут своё начало украсившие русскую литературу имена Алексея Кольцова, Ивана Никитина, Андрея Платонова, Гавриила Троепольского, Юрия Гончарова, Анатолия Жигулина, Алексея Прасолова... Ибо невозможно в современном Вавилоне, на столичном асфальте, среди чужого сброда, не почувствовать со всей остротой, откуда ты родом: «Пусть они удивляются, мол, и откуда сила У дикарки этой, выскочки из глуши». От тех истоков у Дарьи Ильговой — воля к победе и характер победителя («Я никогда не сдамся. Я обещаю»):

Если чувствуешь, что из камня искры не высечь.
Что пробита лодка, и может так жизнь вытечь.
И весь мир изнанкой к тебе, без масок и без
прикрас.
Значит, надо брать жар и молот. Латать каркас.
Может, сотни раз, если нужно. И тысячи тысяч.
Чтобы даже Бог не сомневался в нас.

Геннадий Красников

НЕГАТИВЫ

Рубеж

Я боюсь болезней. Бесплодия или рака.
Что слова мои когда-нибудь будут признаны браком.
Что была голова горяча, а со временем охладела.
Я боюсь нищеты, одиночества, равнодушия,
Что не руки мои, а мысли меня задушат,
И агонии этой не будет вовек предела.

Я хочу верить, что ничего никому не должна вроде,
Что всё можно исправить, нажав Backspace в Word'е,
Что гора высока, но спуск меня ждёт пологий.
Я хочу верить, что тот, кто свыше меня ведёт,
Непременно все знает на десять шагов вперёд,
И поэтому я спотыкаюсь, но не ломаю ноги.

Если вам показалось, что я по натуре бунтарь,
Что внутри у меня не спичка горит, а фонарь,
И энергии этой не видно конца и края —
Вы ошиблись. Земля вращается. Воздух свеж.
Я простой человек. Я шагаю за свой рубеж.
И борюсь с собой. И плачу. И побеждаю.

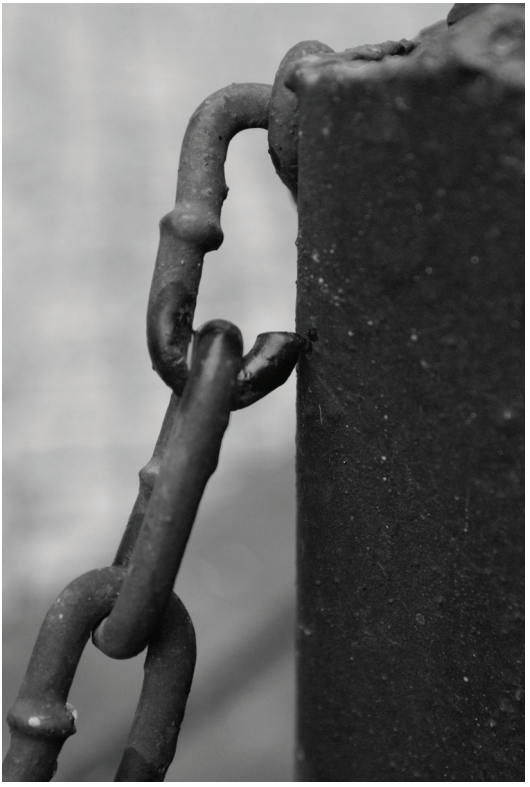
Близкие люди

Мои близкие люди всегда от меня далеки.
Даже если зима и за дверью пятнадцать минус,
Если кашель не лёгкие — душу из тела вынес,
Мне никто не подаст руки.

Мои близкие люди любят меня сильней
За мои провалы. Когда уезжают, помнят,
Что я не боюсь глухих, онемевших комнат.
Просто некуда быть одней.

Мои близкие люди не знают моих тревог.
Я жалею их сердце. Я здесь ожидаю казни.
Они ждут моего приезда, как праздник.
Кто б их расстроить смог.

Мои близкие люди — маленькие вожди
Моей «правильной» жизни. Я редко бываю рядом
И прошу каждого: «Прости, но сейчас так надо.
Жди меня. Жди меня. Жди».



* * *

Думаешь, и зачем он мне, будто я незрячий.
Но такая в тебе любовь, когда он горячий
Хлеб с твоей влажной слизывает руки.

Думаешь, такой огромный, ну, шкаф ходячий,
А на ухо ему нашёптываешь: «Мой мальчик»
И в глазах у него океаны немой тоски.

Вечером прибегаешь, насквозь промокла,
Дверью хлопаешь так, что в кухне трясутся стёкла.
Ты так выдохлась, что дрожишь и не можешь сесть.

У него для тебя детской радости пара пачек,
Ты хватаешь его за шею и плачешь, плачешь,
Запуская ладони в густую собачью шерсть.

В нём такое тепло, разве только что сила волчья.
Из оравы друзей он единственный смотрит молча,
Пока ты в припадке бьёшься во все углы.

Он единственный точно знает свое «место»,
С ним единственным можешь быть абсолютно честной
И не ждать от него упрёков и похвалы.

* * *

Что с того, что мы были когда-то лучше и
Роднее. Никто не свят.
Мы же сдохнем завтра же в худшем случае,
В лучшем — лет через пятьдесят.

И поэтому я не хочу растратиться
На молчании. Страхи щадят
Самых слабых, мечту мою, странницу,
Топят, как тех щенят.

И поэтому мне б надышаться близостью
Сквозь решётку (ведь жизнь — тюрьма),
Перед тем как придётся вздохнуть и снизиться —
Не взлететь. И я стану нема.

* * *

И борюсь, и молюсь тщетно.
Вместо хлеба мне — горсть щебня.
Я слабак. И люблю ущербных —
И так издревле повелось.
Каждый близкий и светлый. Брат мой,
Позови меня в путь обратный.
Я устала латать заплаты.
Мне полгода здесь не спалось.

Я приду, на пороге сяду.
Будут пчёлы кружить по саду.
Улыбнёшься и сядешь рядом.
И мы будем встречать весну.
Мы дышали одной пылью.
Я слабак. Ты такой сильный.
Я, сложив за спиной крылья,
На пороге твоём засну.

Детское

Если я начну кривляться
И тебя не буду слушать,
Посади меня на стульчик,
Дай мне в руки пирожок.

Если я не буду кушать,
Отругай меня построже,
Пригрози поставить в угол
И игрушки отобрать.

Если я заплачу громко,
Не закрой руками уши,
Не оставь меня на кухне
В одиночестве рыдать.

Потому что это больно
(Будь тебе хоть пять, хоть двадцать) —
Горько плакать в тёмной кухне
Без игрушек и одной.

Очередь

Кате

Жизнь — сплошной удар, похожа на жёсткий спарринг.
Если есть справедливость, Кать, то, боже мой, где она?
Чувство, будто вокруг тебя каждой твари по паре,
А ты одна.

В очереди к кассе утром стоишь с глазами робота.
Там, наверное, штуку разменивают по рублю.
Думаешь: «Столица со всеми жалкими... будь ты
проклята.
Не люблю».

Жизнь — корзина: чем дольше живёшь, тем больше
приходит спама.
Нужно лечь пораньше, чтобы завтра снова to queue*.
Запах мокрой травы, деревню, мечтать и маму
Люблю.

*стоять в очереди (англ.)

ТУАЛЕТ
TOILET

* * *

Ане

И пока у меня здоровый цветущий вид,
Столько подруг вокруг, что хоть волком вой —
Каждая ущипнуть и похвастаться норовит,
А как кинешься плакаться — ни одной.

А тебя я люблю. За то, что как всех собак,
Нас пинают больнее всего. Мы уязвимы в драках.
Но и раны на нас заживают, как на собаках.
Мы всё выдержим. И пусть скажут, что это не так.

* * *

И я не знаю, откуда сила,
Откуда хлещет такая прыть,
Что я умом бы затормозила,
А сердце не хочет затормозить.

И я не знаю, какая сила
Меня несёт. Отрифмуйся. Сгинь.
Чтоб я опомнилась, не косила
Слова под ноги твои. Аминь.

* * *

Уходи навсегда. Мне бывало сложно
И легко с тобой. Правда. Но сколько можно
Так тепло смеяться и врать безбожно,
Что со мною ты был знаком.
Ты не знал ни единой ничтожной мысли.
На вопросы друзей отвечал: «Да мы с ней..»
И терялся. Мне каждый твой вздох, как выстрел
Между ребёр. Всё под замком.

Мне не важно, серьёзен ты был, играл ли.
Сотый раз наступить на всё те же грабли
Я не в силах. Я больше тебя не граблю.
Не учу, не лечу, как встарь.
Я хочу покоя. Без нежных всплесков,
Раз в году приходящих мне эсэмэской,
Чтоб украденный мир на тончайшей леске
Не подвешивать больше. Оставь.

* * *

Не забыть мелочей, осторожных, но глупых шуток.
Мы чужие. Конечно. Но всё-таки я пишу так:
Не оставь меня в этом гуле пустых маршруток,
Не порви золотой тесьмы.

Ты сидишь в воспалённом горле разбухшим комом
Или падаешь пылью в воздухе невесомом.
Я в стихах раздариваю знакомым
По кусочку тебя с зимы.

Мне хотелось уткнуться носом в колючий свитер,
Но ты водишь повсюду рядом слепую свиту
Своих глупых мыслей. А мы же так крепко слиты.
И живем не разлей вода.

Только я ночами не сплю и дроблю бокалы
Своего сервиза, мечтая разрушить скалы
Твоего молчанья, с которым, как не свыкалась,
Не смирюсь уже никогда.

* * *

Каждое слово продумай, взвесь
Прежде, чем скажешь вслух.
Что изменилось? Исчезла спесь.
Раб не имеет слуг.

Перебесилась. Слова вонзать
В воздух — пустая блажь.
Я бы сказала тебе в глаза.
Ты же сказать не дашь.

Тонем и ждём, кто бы добрый спас.
Мирно идём на дно.
Как ни пыталась понять я нас —
Видимо, не дано.

Надо ли было не спать ночей,
Ценней не иметь валют,
Чем «я приеду на пару дней»
Или «тебя люблю».

Чтобы теперь ничего не ждать.
Только круги на воде.
Лучшее время для нас. Когда?
Лучшая жизнь. Где?

Jedem das seine*

Ты входишь в новую жизнь, перешагивая за порог,
Оставляя меня в виртуальном мире и в тайне.
Я разбиваю свой лоб о пол у твоих ног.
Jedem das seine.

Буду писать. Искривив свой измученный рот,
Ящик почтовый в ухмылке вдруг выдохнет: «Дай мне»
Дрогнет рука. Поворот-поворот-поворот.
Jedem das seine.

Как от шампанского пробка, так звук пустой,
Вырвавшись из меня, будет мерой крайней.
В шорохах города тонет моё «постой».
Jedem das seine.

*Каждому своё (нем.)

* * *

Пусть закончится как-нибудь. Плохо ли, на ура.
Мне невкусен мой хлеб. Дом — моя конура.
По ночам до нуля, к полудню уже жара,
А у меня по-прежнему пальцы мёрзнут.
Я каждый день собираюсь к тебе с утра,
Чтобы смотреть, как ты приручаешь звёзды.

Пусть закончится всё. Дух мой и разум слаб.
Всё крушится, пока ты веришь: идёт на лад.
Welcome to my brilliant looser's club.*
Мне не хватает мужества, веры, такта
Просто сказать, что жертвы возрос масштаб.
От пропажи конфет в Ашане и до теракта.

Помнишь, как были сильны, на подъём легки.
Суть вчерашнего дня помещалась на две строки.
На берегу ли Дона, Москвы-реки,
Чёрного моря, Азовского и Кубани,
Боже, какие были мы дураки.
Как хорошо Тебе было, наверно, с нами.

---

*Добро пожаловать в мой великолепный клуб неудачников. (англ.)

Одержимость

Но в моей голове его нет.
С. Ивашов

Я теряю тебя. В голове — не опухоль, а с
десяток гранат.
Оторвут чеку — я ищу тебя тщетно, как всегда
по утрам.
Мне не верит никто. Я не верю соседям и докторам.
Ты не можешь не быть. Я же самый чокнутый твой
фанат.

Мне не верит никто. Но главное — ты не веришь.
И моя одержимость — камень на шею тебе, балласт.
И поэтому есть только я и я. Никаких нас.
Тебя нет. Ты живешь в моей голове лишь.

Завтра врач под лопатку всадит мне два шприца
Против паники. Всё по полкам разложит, заново
мир откроет.
Как же так — я одна? Нас вчера ещё было двое.
Он вздохнет на прощанье и запретит дурачиться.

Но в моей голове ты воруешь мне сердце. Кричу:
вот вор!
Но меня раскрутили на части — скрутили — и я в
строю.
Я никем не болею, не плачу, не устаю.
Я здоровый вполне робот. Спасибо, доктор.

Проводок

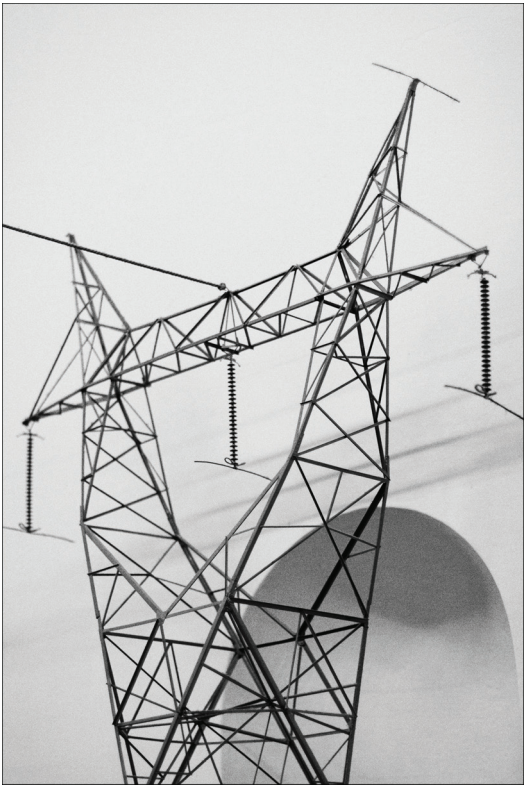
Проводок обрывается. Тихо. Темно. Плетусь
В ожидании новых приступов и облав.
Я кричу. И слова вонзаются в пустоту.
Sorry. Believe me. I love...*

Проводок обрывается. Тихо. Не мы. Не те,
Кто пытается в каждом вздохе учуять прибыль.
Я кричу. Как обычно. Вечная канитель.
Glaubst du mir? Ich liebe...**

Оборвался со свистом. Тонкий был проводок.
Мы погрязли в обидах, безденежье и дерьме.
Я кричу тебе в спину, и рушится потолок.
Я люблю тебя. Верь мне.

---

*Прости. Поверь мне. Я люблю... (англ.)
** Ты мне веришь? Я люблю... (нем.)



* * *

Вот ведь, такое пустое, не-наше-лето.
Быть и не быть предначертано нам свыше.
Мы женим друзей в разных частях планеты.
Я покупаю домой пирожки с вишней.
С кем ты сейчас в ссоре? И с кем ты дружишь?
Больно ли падал? Много ли ты понял?
Спишь на полу? Пьёшь из моих кружек?
Есть ли теперь виноград на твоём балконе?
Кто от тебя далеко теперь? С кем ты вместе?
Ждёшь ли ты писем? Торопишь ли ты зиму?
Я сжимаю в ладони накрепко твой крестик
И молюсь за тебя. Тоскую невыразимо.

Страшные сны

Так ты приходишь. Боязно уснуть.
И тени вновь за шторами кружатся.
Мне хочется скорей к тебе прижаться,
Чтоб духов злых и демонов спугнуть.

Ты говоришь. Изгибы горных спин
Перетекают плавно в кромку леса.
Нет никого: ни ангелов, ни бесов.
И всё. Пустыня. Спи спокойно. Спи.

Так ты уходишь, ничего не взяв
И не оставив камешка на камне.
Я в темноте. Идти теперь куда мне?
Всё страшный сон мой? Всё ли это явь?
Кто прав?

Аномальное чувство

Как губам — имя собственного ребёнка.
(М. Цветаева)

Аномальное чувство. Как прятаться в одиночку.
Как на пляж ходить загорать ночью.
Как смеяться и плакать взахлёб до покалывания щёк.
Как бежать на месте, прыгать без парашюта.
Как работать ночью, и засыпать под утро.
Будто бросили камень, а ты попросил ещё.

Аномальное чувство. Как заморозки на Марсе.
Как кризис среднего возраста в восемнадцать.
И совсем не терпкий, а пресный его вкус.
Это как в два года день просидеть без движенья.
От него мне в августе падать с обморожением.
Но под натиском твоей армии я сдаюсь.

* * *

Всё как прежде. Я просыпаюсь, встаю с постели.
Чемодан собираю, уеду! И не проси, но...
(Если б знать, что меня отпустит через неделю,
Мне бы не было так тревожно невыносимо).

Я бы бросила всё, потому что осознаю,
Что бороться бессмысленно. Здесь каждый день
потерян.
(Мне бы только спастись и отправить себя на юг,
И валяться весь день, не вставая, в его постели).

Только щёлкает клапан трезвости. И бежит
С поля битвы последний. Неправильный был расклад.
(Я-то верила, что без тебя я сумею жить.
Мои куклы растоптаны. Уводи же своих солдат).

* * *

Что скучаю по невозвратному (в июне – по январю)
И что порчу гораздо большее, чем творю,
Что не жалуюсь на себя, а всё время других корю –
Мне известно. Пора уподобиться сухарю.

Я закрыта в своей ракушке. Немой моллюск.
А вокруг меня жизнь – песни, мечты, салют.
Ну, услышьте меня, пожалуйста, я не глюк
Я живу. Я дышу. Я чувствую. Я люблю.

* * *

Это хуже в сто раз молчания, будто не было
Ничего никогда. Это к пропасти шаг, провал.
Будто не были самыми искренними и преданными.
И никто никого на вокзалах не провожал.

Мы не можем дружить. Это ранит больнее выстрела.
Это рушит систему, защиту спалив дотла.
Неужели не чувствуешь? Нам ни за что не выстоять,
Если каждый напишет «здравствуй» и «как дела».

Это минимум смысла при всей широте содержания.
Ничего не получится. Память летит в окно.
Мы летим. И такого бессилия/обожания
Никому никогда прочувствовать не дано.

Как мы были годами близки–далеки когда–то.
Пепел летел вдоль расплавленных автотрасс.
Хотя лучше не помнить. В подвалы души запрятать
Невозможно смешных, невозможно счастливых нас.

Усталость

I

Чем взрослей и серьёзнее, тем дальше от себя беззаботной и настоящей. От усталости я убегала раньше поваляться в сухой траве. Кто хотел обыграть, теперь нос воротит. С парой троек — каре моего против. Я всегда побеждаю. Ведь по колоде в каждом моём рукаве.

Но в иллюзии отдыха нервы ноют, и я жду, что оставят меня в покое. Не хочу, как прежде, в ночь перед боем шить и латать знамён. Не хочу ни игр, ни войны, ни риска. А сидеть с чашкой кофе/бутылкой виски
с кем-то очень далёким и очень близким
сколько-нибудь времён.

II

Через тридцать лет будет поздно. Ломай, круши и забудь, что умела прощать и простить просила. Пусть они удивляются, мол, и откуда сила у дикарки этой, выскочки из глуши. По ночам ты садись на кухне и свет туши, вывози вагоны злобы, насмешек, ила, мусора из души.

Через тридцать лет ты расскажешь им, как ты шла, посылая в воздух проклятия, пыль и пули. А на кухне ночью плакала, враз ссутулясь, как за маму, цепляясь ладонью за край стола. Как, бывало, потом неделями не спала, повторяя себе: смогу — не смогу — смогу ли?
И всё смогла.

СНИМКИ

* * *

Всё, что нужно, не взять. Приехала налегке.
Поняла, не оставишь — главного не поймёшь.
Три моих языка нервно топчутся в тупике
Перед стенкой порой убийственного «и чё ж?»

Мне смеётся здесь так, как не помню когда и где.
Мне тепло и спокойно. Моя голова свежа.
Я пытаюсь набраться мужества и надежд,
Перед тем как придётся заново уезжать.

Я пронизана счастьем от макушки и до корней,
И корабль сомнений и страхов идёт ко дну.
Это всё, что мне нужно. Просто вдохнуть сильней,
Потому что потом не знаю, когда вдохну.

* * *

Он проводит рукой от плеча до ключичной ямки..
У меня с ним нечто космическое, вроде транса.
В голове играют маленькие обезьянки,
Я смотрю на него, будто слушаю иностранца.
Если я забуду всё это, как после пьянки,
То не вздумай, Боже, давать мне второго шанса.

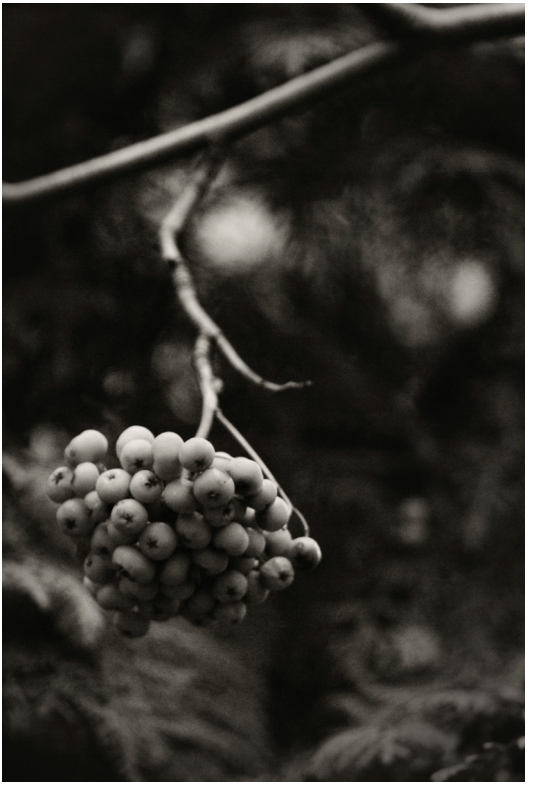
Говорит мне серьёзно: «Мы же с тобой не дети».
Он так пахнет моей квартирой, руками, мылом...
Чашка падает и разлетается на паркете,
Где-то воет сирена, я так устала, еда остыла...
Говорит: «Я не брошу тебя ни за что на свете».
Но не носит цепочку, которую я дарила.

Если всё это завтра утром окажется сном,
Я проснусь на Северном полюсе или Крите,
И мальчишка, бегущий мимо в шубе и босиком,
Скажет мне на немецком или иврите:
«Выходи за него. Он с тобою тысячу лет знаком»,
Я пойму и заплачу. Лучше не говорите.

* * *

Распалялись на мелочи. Ссоры скопились гроздьями.
Прелесть сбежала, лишь обнажив нарыв.
Дети плачут и требуют, будто они взрослые.
Долго так жили мы.

Отдохнули. Остыли. Упрёки сменились просьбами.
Не зарекайся от старости и чумы.
Дети плачут и требуют. А уступают — взрослые.
Так поступаем мы.



* * *

Февраль бушует. Так стемнело быстро.
Не сильно день прибавился пока.
Боюсь разлук. Разносит ветер искры
От губ, соприкоснувшихся слегка.

Я знаю место, где укрыться можно,
Где море шепчет и закат красив.
Но твой ответ я чувствую подкожно,
Поэтому не буду и просить.

Ты подарил мне сто тревог и паник,
Обид, проблем и маленьких подстав.
Но, уезжая, я твой кнут и пряник
В свой бережно припрятала рукав.

Теперь я не пойму, роман ли? Повесть?
На всю ли жизнь? На эти два листа?
Так сложно...А когда садилась в поезд,
Была катастрофически пуста.

* * *

И неважно, кто прав. Каждый из нас дурак.
И рекорд — если мы неделю живём без драк.
У меня под глазами снова мешки с кулак.
Нет, мне правда с тобой сказочно повезло:

Ты врываешься внутрь, как в феврали метель.
Время липнет к рукам и тянется, как кисель.
И я думаю, ну, когда уже март, апрель...
Весь мой отдых опять будто рукой сняло.

Ты — лишь тот, для кого я делаю каждый шаг,
Кто упорно всерьёз заставляет меня дышать,
Обладатель стихов и маленьких их стишат.
Для тебя и потоньше ручка, и слово погорячей.

Я не знаю, на что каждый из нас готов.
Оправданья не в счёт. А что до моих звонков -
Важно то, что от нас останется после слов.
Не суди за слова. Засыпай на моем плече.

Потоки

Безответно любима всеми, кто это не признаёт.
А с тобой мы как-то сели и решили наоборот.

Только хуже этой изнанки нет никакого лица.
Мне тут впору няньку, но решила идти до конца

Ведь бездонны колодцы счастья. Спешу сказать —
Этот мир содрогнётся, нам заглянув в глаза.

Ну и что, что пара носков — всё моё наследие.
Ну и что, что ты далеко, а мне тут жить негде.

Нам по двадцать. Только скажи — вот моё сердце.
Сразу беды крошатся, словно в руке хлебцы.

Мои руки и мысли — вот они. Только скажи.
И бездонное счастье. Потоками. Мир дрожит.

* * *

И я не устала,
готова закладывать новые виражи.
Просто жить по уставу
для меня, что вовсе не жить.

Эта борьба раньше
отнимала все силы, пила все соки.
С вашим миром каши
не сваришь. Да и война будь проклята.

И тягаться куда мне
с чем-либо, если я всего часть.
Вода точит камень.
А я иссякла, значит, пора помолчать.

Это сладкое время
небытия героем и силачом,
Я кладу голову на колени ему.
Вставая, опираюсь на его плечо.

И тогда я вижу небо в огне
заката и радуги коромысло.
То, что болело во мне,
медленно новый обретает смысл.

* * *

Ты взлетаешь стремительно. Пусть всё приходит
с опытом.
Дальше — выше. Пока главное не сбылось.
И в толпе, и в пустой комнате я нашёптываю:
«Если он у обрыва, подставьте ему крыло».

К солнцу воздух свежий, ни страха, ни ветра
встречного.
С высоты твоей точками кажутся корабли.
А меня не видно. Но утром, в обед и вечером
Я слежу за полётом с холодной моей земли.

Когда встретимся мы, мир пойдёт паутиной
трещинок.
Будет тёплой весна и зацветёт кизил.
Я шагну за тобой. И сбудется, что обещано.
Вечный мир и покой. И каждому — пара крыл.

* * *

Будь мне светом, поддержкой моей, опорой.
Чтобы если я вдруг притворилась хворой,
Рёв твоих тормозов — не сирены скорой —
Доносился в моё окно.
Будь мне кем-то, кто просто сидит на стуле,
Пока я по квартире ношусь, как пуля,
Крашу ногти, пою и борюсь с кастрюлей
Или просто пишу в блокнот.

Обещаю, что буду просить я часто
По малейшему зову ко мне примчаться:
С верхней полки снять книгу, наклеить пластырь
На царапину от ножа,
Встретить возле метро, брать печенье к чаю,
Слушать молча меня, когда я вещаю.
Взять из комнаты пару мешков с вещами
И добросить до гаража.

Будь готов (обещаю, я нас не выдам)
Никогда меня впредь не терять из виду,
Быть со мною на равных, прощать обиды,
Как бы ни были велики.
Чтобы ссоры — без грома, дождя и молний.
Чтобы я лишь подумала — ты всё понял
Я взамен обещаю своей ладони
С твоей не снимать руки.

Чудачества

Пугливы. Дикие, как сиамцы.
Но я сражаюсь с твоей хандрой,
Чтобы потом мы могли смеяться
С утра до ночи наперебой.
Пусть будут песни, стихи и танцы.
И каждый находит у нас приют.
Пусть нам всю жизнь дают по шестнадцать
И пиво в киосках не продают.
Мы будем драться и корчить рожи,
А кто не с нами, тот сам дурак.
Я верю. Правда. Ведь невозможно
Не верить в то, что всё будет так.
Ошиблись. Стёрли. И пишем начисто.
А если снова накатит грусть,
Моих безумств и моих чудачеств
До старости хватит нам. Я клянусь.

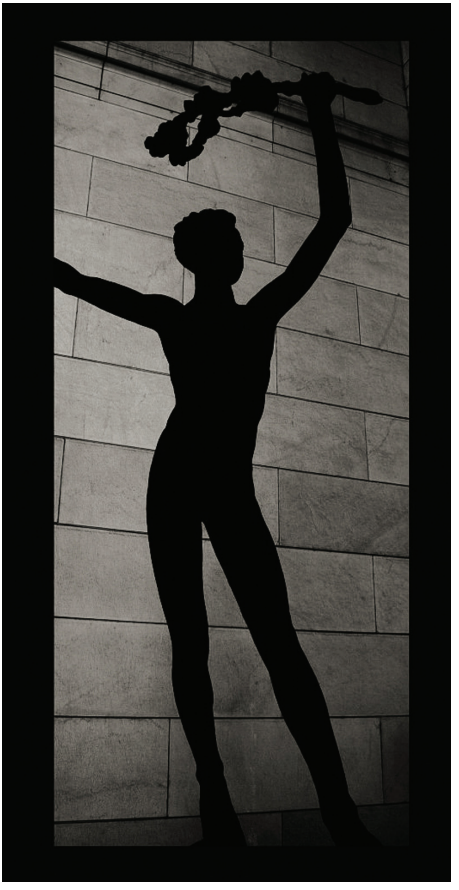
* * *

Троекратно ура, в воздух летят монеты.
Лето. И площадь переполняют люди.
Где это было? Когда это было? Где ты?
Как это можно было забыть. Забудем.

Если я утром отправлюсь прямым маршрутом —
За пределами счастья. Пропахла октябрьской пылью —
Ровно к обеду я буду у института.
Как это можно было забыть. Забыли.

Всё суета. В пять тридцать звонит будильник.
Новая жизнь. Другие миры и войны.
Только провал — от памяти подзатыльник:
Не забывай никогда. Никогда. Помни.

Мы атланты — на наших плечах и лежит небо.
Делаешь в сторону шаг — и трещит шарик.
Сдаться сейчас было бы так нелепо.
Я никогда не сдамся. Я обещаю.



* * *

Город падал и плыл в наклоне.
Горы прятались к нам в ладони.
Говорили, что нас бездомней
И счастливей не видел свет.
Спали чутко, вставали рано.
Осыпались в саду каштаны.
Самый тёплый октябрь. Так странно.
Было всё.
Ничего нет.

Снимки

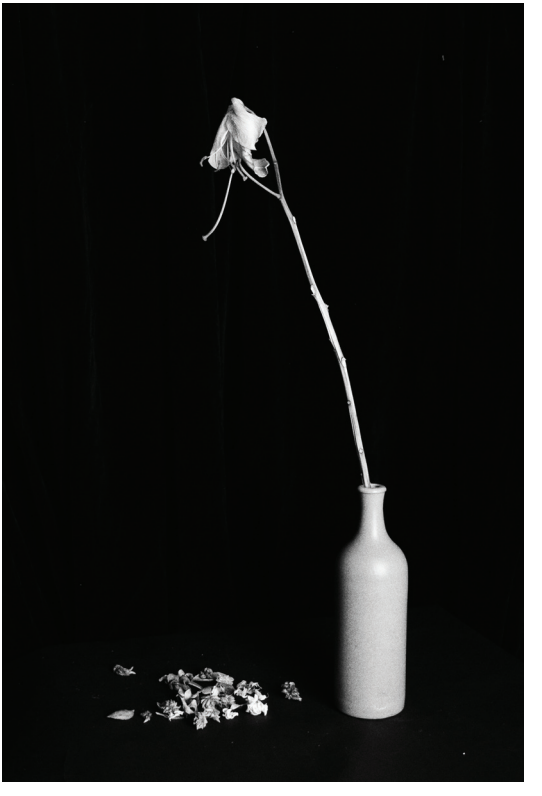
А ведь могли бы смотреть добрей и засыпать в обнимку,
В июле жарком варить уху, зимой уходить в леса.
Но время не медлит. И чем старей, тем ярче, дороже снимки,
Где мы так верили в чепуху, приметы и чудеса.

Вот лето, в парке шумит фонтан, мы рядом всего лишь сутки.
Ты смотришь устало – ты мало спишь – и теребишь часы.
В моей ладони лежит каштан в зелёной еще скорлупке,
И я рассматриваю шипы, похожие на усы.

Зима, на озере лёд трещит. Сгребаешь меня в охапку,
Смеясь и тщетно пытаясь встать на льду на свои коньки.
И всё в целом мире меня смешит. Ты носишь смешную шапку.
И жизнь удивительна и проста в пределах твоей руки.

Вот осень, долгой была гроза, не виделись больше года.
Несёшь ерунду, как плохой артист, жизнь нашу мнишь игрой.
Солнце нещадно слепит глаза, прячется в переходах.
Ты поднимаешь кленовый лист, я подаю второй.

А ведь могли бы из года в год играть на желанье в карты,
Пить виски и колу, спать на полу под тихий и лёгкий транс.
Но время не медлит, идёт, идёт – и к прошлому нет возврата, –
Жестоко стирает в пыль и золу
Снимок, хранящий нас.



* * *

Насте

Только представь: нам по 15. Счёт
В нашу пользу. Не ходим на первый урок.
Каждый второй — наш друг. Каждый любимый — Бог.
Есть где погреться, кому уткнуться в плечо.

Только представь: утром на полчаса
Дольше поспишь — мама готовит тост,
Кофе и юбку. День бесконечно прост.
Жизнь — сплошная белая полоса.

Только представь: было по силам вплавь
Через моря и реки. Лужи-то по колено.
И смеяться, и плакать — чисто и откровенно.
Мы были дети. 5 лет назад. Представь.

* * *

Моё детство запомнило маму и папу в двадцать,
Дым костра, лес сосновый и Дона тугой изгиб.
Ты останься со мной до последней строки абзаца.
Потом — беги.

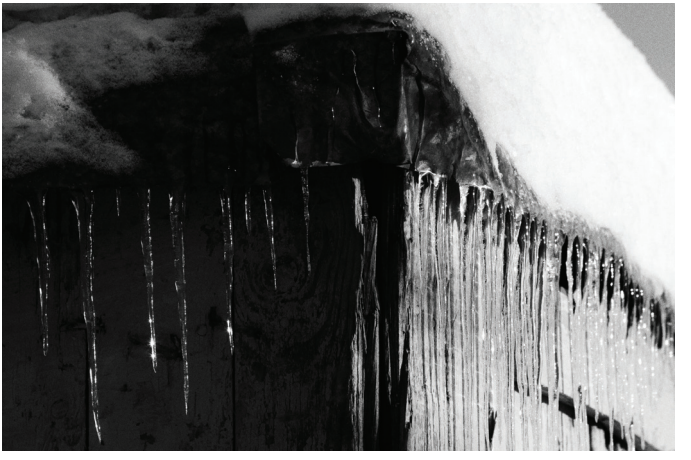
Я дарю тебя тем, кому ты сейчас нужнее,
Тем, кому без тебя будет плохо. Моей сестре.
Жаль, мелеет Дон, лес сгорел, и лишь тихо тлеют
Дрова в костре.

* * *

Снова холодно. Ветер над крышей стонет.
Не грусти. Будет лето. И снег растает.
Я приеду надолго. Мама моя святая,
Ангелы прячут щёки в твои ладони.

Не грусти. Мне от этого тоже печаль и мука.
Будет лето. И я надену очки и сланцы.
Ничего плохого зимою не может статься.
Твои ангелы всюду водят меня за руку.

Я приеду надолго. Писать бесконечный опус,
Есть клубнику, бродить по школе, не спать ночами.
Отмывать себя от усталости и печали.
Я приеду надолго. У ангелов будет отпуск.



* * *

Ярику

Когда чувствую безысходность, вокруг Содом,
Спотыкается гордость, а песня подобна крику, –
Я бросаю всё, отправляюсь туда, где Дом.
Там кормлю по утрам собаку и рву клубнику.

Рыжий кот в два прыжка на вишню в саду залез,
Потоптался на месте, улёгся тугим клубком.
Я держу на руках одно из Твоих чудес,
Что так сладко пахнет мёдом и молоком.

Я ему говорю: «Когда станешь совсем большим,
Перестанешь агукать, кричать и мусолить палец,
Просто думай, что все беды твои — малыши».
Он мне смотрит в глаза серьёзно. И улыбается.

* * *

Мне бы хотелось взять и попеременно
глупого и серьёзного намешать.
Днём – на скорую руку модель Вселенной.
Вечером – пить текилу на брудершафт.
Ночью – спорить и в поисках новых истин
кружку разбить или собрать болид.
Утром – проснуться с трепетом, как от выстрела.
Руку – на сердце. И выяснить: не болит.

* * *

Мне улыбались, размеренно билось
Сердце, проблем было меньше.
Всё потому, что я находилась
Всегда среди лучших женщин.

Тех, у которых всегда в запасе
Слово и вкусные гренки.
Тех, кто ромашками разукрасит
Содранные коленки.

С ними и жизнь — не свирепый бой.
Поле с акаций гроздьями.
Море, целующее прибой.
Умоляю, храни их, Господи.

Катя

Выходной. Катя едет домой в такси. Рассветает. У неё экран в телефоне треснул. Катя едет домой, но чувствует, будто в бездну рухнул маленький мир. А сегодня рассвет красив, а у Кати на день совсем не осталось сил, но, забыв эту ночь, Катя мыслит предельно трезво.

Катя быстро хочет найти ключи на дне сумки, но не слушается рука. Катя конфетой приглушает запах спирта и табака, думает: «Господи, боже мой! Fucking shit! Ну, за что мне это? И так голова трещит...» Катя даёт в дверь два коротких звонка.

Мама тихо сидит на кухне без света, пьет кофе, но вдруг вскакивает из-за стола. Открывая дверь, делает вид, будто давно спала. Катя глубже в карман вдавливает сигареты. Проходя в комнату, думает: «За что? Ну, за что мне это?» Мямлит невнятное что-то на мамино «как дела».

Засыпая, корит себя, что не рассказала. И во сне она видит женщину у кровати, говорящую тихо ей: «Что же ты, Катя, Катя... Понимаю, всё как-то глупо, и ты устала, ты пытаешься всё познать, только кажется, мало, мало. Но пора бы смириться, Катя. Исканий хватит.

Да, я знаю, тебе не всегда везло. А ведь ты же мечтаешь, Катя, о двух крылах. Ты бы лучше маму поберегла». Открывая глаза, Катя всхлипывает тяжело, провожает взглядом её пепельное крыло. Одеяло хранит запах её тепла.

Катя думает: «Сколько можно уже грести по теченью? Пора бы решить мне, чего хочу. Сколько можно толкать себя в руки жалкому палачу?» И у Кати силы столько, что за век не перевести, Катя стоит у истока правильного пути, прижимается лбом к маминому плечу.

Младшие сёстры

Наши младшие сёстры — косы в пояс,
Живут, не ссорясь.
Ты не знаешь награды больше, чем с ними —
в прятки.
Хулиганки, принцессы, сказочницы, пиратки.

Наши сестры — Ани, Алины или Алёны,
Окрылённые.
Ты уходишь от них богат, хоть пришёл ни с чем.
И у каждой по ангелу на плече.

Наши девочки. Им не надо врать про железный стержень.
Когда ты повержен,
Их чудесные речи про «божью коровку»,
«мирись-мирись»
Извлекают тебя из руин и вдыхают жизнь.

* * *

Ярику

Мой любимый мужчина хмурится. Сон тревожен.
Ветер бродит по комнате, тихо касаясь штор.
Мне не стоит будить его. Всё же смотрю в упор.
Он сползает с подушки. Нет никого дороже.
Если бы можно схватить и укрыть под кожей,
Дверь запереть, двухметровый построить забор.

Я смотрю на него и чувствую страх и трепет.
В нём всё небо смеётся, такие растут миры,
Надо прятать его, защищать от стужи или жары.
Если он заболеет, лечить, пока не окрепнет.
Ветер в окна врывается резко и шторы треплет.
Я встаю, и он быстро прячется во дворы.

Мой любимый мужчина — зона вне недостатков:
Он не курит и терпеливо ждёт, когда я приду,
Не ругается матом, не злится на ерунду.
Он не любит пить пиво, но жалует шоколадки.
Мысли ветрены, руки преданны, просьбы кратки.
Мой любимый мужчина родился в прошлом году.

* * *

И смирение, и радушие —
Всё придёт. Только пусть тот,
Кто мудрее меня и лучше
Просто скажет, что мы не скот
И не сборище душ заблудших.
Я же космос, а ты послушный
Врачеватель моих пустот.

Равнодушие и забвение —
Лишь итоги любой из битв.
Пусть он скажет, что мы не пленные
И что наша душа болит,
Потому что болеет Вселенная.
Ты же космос, а я смиренный
Почитатель твоих молитв.

* * *

Насте

Кто ты, девочка, уходящая в небо за пядью пядь.
Спать ложишься в четыре, в полпятого, даже в пять.
Но все мысли ворохом и не смыкаешь глаз.
Свет зажёгся в доме напротив. Фонарь погас.
Кто ты, девочка, с детства приученная терять?
Даже Бог сомневается. Что говорить о нас.

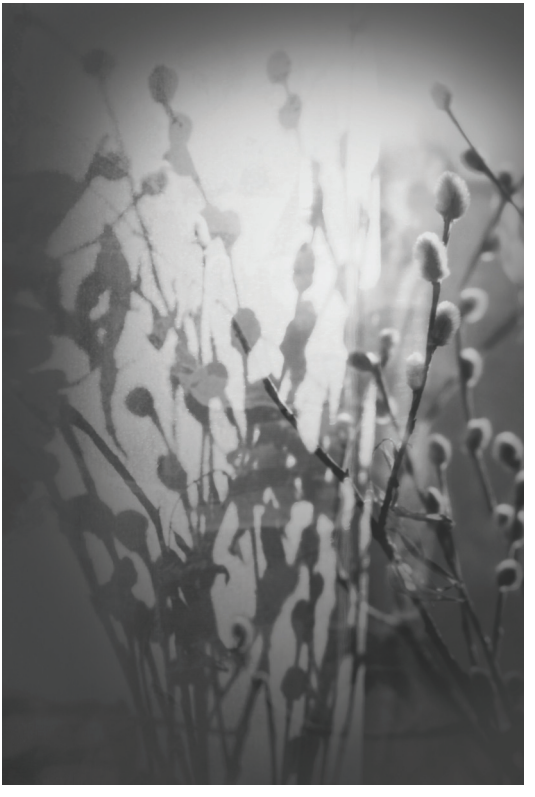
Если чувствуешь, что из камня искры не высечь.
Что пробита лодка, и может так жизнь вытечь.
И весь мир изнанкой к тебе, без масок и без прикрас.
Значит, надо брать жар и молот. Латать каркас.
Может, сотни раз, если нужно. И тысячи тысяч.
Чтобы даже Бог не сомневался в нас.

* * *

И когда я жалуюсь, что не осталось сил,
Я всегда против шерсти, а кто-то всю жизнь скользил,
Что играть по правилам мне явно не по карману,
Что пашу я как лошадь, а лучше никак не стану,
Что вся жизнь — мишень, а я главная у мазил,

В голове что-то щёлкает, мол, посмотри же, вот:
Светит солнце и дует ветер, трава растёт,
Льют дожди, и цветут сады, и летают бабочки,
Поля в саду смеётся и лепит пасочки,
Катя рукой поглаживает живот.

Я ловлю эти дни-жемчужины
И в копилку складываю насовсем.
Наши дети здоровы.
Мы красивы и молоды.
Живы все.
Это — счастье без примесей.



СОДЕРЖАНИЕ

НЕГАТИВЫ

Рубеж 14
Близкие люди 16
«Думаешь, и зачем он мне, будто я незрячий...» ..18
«Что с того, что мы были когда-то лучше...» ..20
«И борюсь, и молюсь тщетно...» 22
Детское 24
Очередь 26
«И пока у меня здоровый цветущий вид...» 28
«И я не знаю, откуда сила...» 30
«Уходи навсегда. Мне бывало сложно...» 32
«Не забыть мелочей, осторожных, но глупых шуток...» ..34
«Каждое слово продумай, взвесь...» 36
Jedem das seine 38
«Пусть закончится как-нибудь. Плохо ли, на ура...» ..40
Одержимость 42
Проводок 44
«Вот ведь, такое пустое, не-наше-лето...» ..46
Страшные сны 48
Аномальное чувство 50
«Всё как прежде. Я просыпаюсь, встаю с постели...» 52
«Что скучаю по невозвратному (в июне – по январю)...» ..54
«Это хуже в сто раз молчания, будто не было...» ...56
Усталость 58

СНИМКИ

«Всё, что нужно, не взять. Приехала налегке...» ..62
«Он проводит рукой от плеча до ключичной ямки...» ..64
«Распалялись на мелочи. Ссоры скопились гроздьями...» ..66
«Февраль бушует. Так стемнело быстро...» 68
«И неважно, кто прав. Каждый из нас дурак...» ..70
Потоки 72
«И я не устала...» 74
«Ты взлетаешь стремительно...» 76
«Будь мне светом, поддержкой моей, опорой...».....78
Чудачества 80
«Троекратно ура, в воздух летят монеты...» 82
«Город падал и плыл в наклоне...» 84
Снимки 86
«Только представь: нам по 15...» 88
«Моё детство запомнило маму и папу в двадцать...» ..90
«Снова холодно. Ветер над крышей стонет...» ..92
«Когда чувствую безысходность, вокруг Содом...» ..94
«Мне бы хотелось взять и попеременно...» ..96
«Мне улыбались, размеренно билось сердце...» ..98
Катя 100
Младшие сестры 102
«Мой любимый мужчина хмурится. Сон тревожен...»..104
«И смирение, и радушие...» 106
«Кто ты, девочка, уходящая в небо за пядью пядь...» ..108
«И когда я жалуюсь, что не осталось сил...» ..110

СНИМКИ

Дарья Ильгова

Фотографии:
Д.Ильгова – с.47,85
Е.Яковлева – с.19,21,23,25,27,29,33,39,
43,49,53,57,71,79,83,89,95,103,105,107
А.Глуховская – с.15,16,31,35,37,41,45,
51,55,59,63,65,67,69,73,75,77,81,87,
91,93,97,99,101,109,111

Бумага офсетная
Гарнитура B52
Тираж 100 экземпляров
Сдано в набор 12.11.2012
Подписано в печать 25.11.2012

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75.

Типография ИПК «Квадрат»,
Белгородская обл., г. Старый Оскол,
проспект Комсомольский, 73.